

отвечало литературным вкусам автора: достойно внимания, что эти эпитеты попадают в повести и за пределами отрывка, заимствованного из песни. Мы уже отметили раньше, что былинный эпитет дружины «хоробрая» встречается не только в «Писаніи о преставленіи», но и в первой части повести «О роженіи». Таким образом автор вообще склонен был к устно-поэтической стилизации, и к своему песенному источнику отнесся не механически, а сознательно. Что касается связи разбираемого отрывка с песней не по форме, а по содержанию, то она может быть иллюстрирована сопоставлениями с лучшими вариантами дошедших до нас исторических песен о Михаиле Скопине-Шуйском и данный отрывок в свою очередь может послужить для суждения о древнем прототипе песни-былины. Но этого последнего вопроса мы коснемся ниже; для иллюстрации же отношений повести к песне-былине о Скопине припомним соответствующее место по варианту Кириши Данилова, записанному в XVIII веке. Изображается пир у князя Воротынского. Крестьят молодого князевича. Кумом Скопин князь Михайло Васильевич, а кумой дочь Малюты Скуратова, не названная по имени. На пиру все расхвастались. И Скопин хвалится, что очистил царство Московское. Похвальба его вызывает досаду бояр.

Аи тугъ боярамъ за беду стало,
 В тотъ часъ они дело зделали;
 Подъдернули зелья лютова,
 Подсыпали в стоканъ в меды сладкия,
 Подавали куме ево крестовыя,
 Малютиной дочи Скурлатовой.
 Она знавши, кума ево крестовая,
 Подносила стоканъ меду сладкова
 Скопину князю Михаилу Васильевичу.
 Принимаетъ Скопинъ, не ѳираетца,
 Онъ выпилъ стоканъ меду сладкова,
 А самъ говорилъ таково слово:
 «Услышелъ во утробе неловко добре!
 «Ай ты съѣла меня кума крестовая,